

ЗАМИР К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

ТЕНДЕНЦИЯ К АБСОЛЮТИЗАЦИИ СУБЪЕКТА В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ: НОМИНАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

У овом раду аутор разматра настанак и функцију номинативних реченичних конструкција у руском језику. Он указује на то да су те конструкције биле формиране у периоду до XVI века, док је њихова шира распрострањеност у културном изразу била остварена већ крајем XVIII и почетком XIX века.

Желание синтаксистов экстраполировать на древнерусский язык все то, чем характеризуется современный русский, безотчетно и удивительно постоянно. Усилия, подчиненные его удовлетворению не только непозволительно упрощают и искажают задачи синтаксического исследования языка, но и настраивают на ложные пути и бессмысленные поиски.

Практически а priori принимаемый тезис о том, что тысячелетием разделенные периоды истории языка совпадают по принципиальной парадигме (типологии) и качеству синтаксических единиц, оставляет исследователям лишь одну главную возможность — снабжать одни и те же как бы исторически неизменные синтаксические единицы иллюстрациями из разновременных и разножанровых памятников письменности. При этом новизна выполняемой работы определяется по тому, привлекался соответствующий источник в синтаксических исследованиях прежде или нет.

При всей важности и подобного рода изысканий в плане накопления фактических данных и выявления степени активности и распространности описываемых явлений в соответствующих памятниках письменности они достаточно далеки от решения задач собственно структурного синтаксиса.

Так же обстоит дело и с номинативными предложениями. Ограничьтесь некоторыми иллюстрациями такого рода подходов.

Особенность древнерусского языка по его древнейшим памятникам Я. А. Спринчак видит в том, что в нем «номинативные предложения встречаются сравнительно редко»¹.

В существовании их в то отдаленное время у автора сомнений нет. В качестве примеров номинативных предложений приводятся следующие формулы грамот и заголовков: *Благословенье от владыкы, князю Ярославу* (Дог. Новг. с Яр. Яр. 1265 г.); *Поклоно от Карпа к господину. Михаила къ отцю ко владыцѣ* (Новг. гр. 1301 г.); *Соудъ Ярославль Володимирица* (Заголовок к Русской правде по сп. Новгород. Кормчей 1282 г.); *Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина* (Заголовок повести); *Въ лѣто 6651 стояше вса осенина дъждева. от гѣина дни до корочюна. тепло дъжгь* (1 Новг. лет., 23); *И стаща денье зли: мразь. вьялица... страшно сѣло* (1 Новг. лет., 15)².

Далее констатируется, что в памятниках письменности XVI–XVII вв. они употребляются чаще, напр.: *а се моя печать* (Грамм. XVI в.); *Всегда бы над рукодѣлиемъ сидѣла сама, то ей честь и слава, а мужу похвала* (Домост.); *В памяти Никонь пишет. Год и число... И горе, и смѣхъ. Иногда ребенка погонят* (Аввак., Жит.).

Заключая проиллюстрированную примерами эволюцию номинативных предложений, Я. А. Спринчак пишет: «Следовательно, номинативные предложения, которым свойственна сжатость и выразительность речи, в дальнейшем развитии русского языка получают все большее распространение»³.

Сопоставив показания древнерусских памятников по синтаксическим построениям, подводимым под номинативные предложения, с номинативными предложениями в современном русском языке, автор продолжает: «Сопоставление номинативных предложений, употреблявшихся в древнерусском и употребляемых в современном русском языке, показывает, что в современном языке они употребляются чаще и количество их структурных типов возросло»⁴ (Курсив мой. — З. Т.).

Таким образом, согласно Я. А. Спринчаку, выходит, что номинативные предложения в русском языке существовали уже в древнейший период. Изменения, происходившие в их истории, — чисто количественные: росли их употребительность и количество.

В принципе аналогично решается вопрос о номинативных предложениях в древнерусском языке и в других работах по русскому историческому синтаксису.

¹ Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960, с. 106.

² Там же, с. 107.

³ Там же, с. 107.

⁴ Там же, с. 109.

Так, в коллективной монографии по исторической грамматике русского языка говорится: «Собственно-бытийные предложения представлены в наших примерах единичными примерами. Классические образцы их типа: *Зима. Ночь.*, получившие широкое распространение в описательных жанрах современного русского литературного языка, отсутствуют вообще»⁵.

В процессе последующего рассмотрения эти половинчатые суждения и вовсе сводятся на нет. Выясняется, в частности, что:

1) собственно-бытийные предложения, обычно встречающиеся в памятниках *повествовательно-разговорного жанра*, употребляются не самостоятельно, а, как правило, в составе сложных конструкций, чаще бессоюзных;

2) номинативное предложение могло выступать как в поясняемой, так и в поясняющей частях сложного целого, ср.: *Брачный обычай* не хожаше зять по невѣсту, но при вожаху вечер, а заоутра приношаху по неи что владуче (Лет. Тр., с. 57); *Жалоба нам, господине, на них*, покосили у нас пожни и луги Федоровские земли сильно (Акты феод. XIV–XVI вв. № 117, л. 132); *бе бо время холод велик и дожди с ледяным градом частые днем и ноцию* (Лет. сказ., л. 24–24 об.); и тово привести нелзе *потому бездорожица* (Моск. дел. и быт., с. 41);

3) номинативные предложения употребляются с указательными частицами *ото, вото / вот, восе / вось, се*: «ото Давыд» (Лет. Тр., с. 186); *се родъ единъ и языкъ единъ* (Лет. Тр., с. 53);

4) номинативные «оценочно-эмоциональные предложения»: *Туга и тоска сыну Глѣбову!* (Сл. о плк. Иг., с. 21); *О горе нам!* яко приближается конец нашему житию (Каз. ист., л. 88 об.); *О великое чудо, братия!* (Девг. д., л. 16); и др.⁶

Сюда же, в группу номинативных предложений, вслед за А. Поповым включаются также *формулы, выражающие приветствие, пожелание* (*А милость Божья на вас и мое благословенье* — АИ, 1395 г., с. 19), *композиционные части документов* (*Правило 2: «Иже съ изверженнымъ, причетникъ сыи...»* — АИ, с. 36), *оглавления, заголовки* и т.д.⁷

Хотя в монографии (автор раздела — А. М. Сабенина) говорится о номинативных предложениях и номинативных конструкциях⁸, нет ожидаемых указаний на то, что их сближает и чем они отличаются друг от друга. Более того, как бы в продолжение этого ряда конструкций следует и так называемый «именительный темы»⁹.

⁵ Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978, с. 296.

⁶ Там же, с. 297–300.

⁷ Там же, с. 301–303.

⁸ Там же, с. 304.

⁹ Там же, с. 303–304.

Таким образом, в рассматриваемой монографии сама суть и границы номинативных предложений оказываются расширенными и размытыми: номинативное предложение как особая и самобытная единица синтаксиса не отграничена от неполных предложений, в силу своей неполноты лишь внешне напоминающих номинативное; от формул пожеланий и приветствий; от разного рода названий-заголовков, названий-разделов и т.д., а также от конструкций представления (темы).

Между тем, такое отграничение принципиально важно не только потому, что речь идет о структурно между собой совершенно не связанных явлениях языка, но и потому, что номинативное предложение среди всех упомянутых принадлежит к числу самых поздних образований. Названия-заголовки, формулы приветствий и пожеланий, неполные предложения и конструкции представления — это то, что существует задолго до номинативных предложений и не зависит ни от строя языка, ни от стоящих за ним словесно-художественных традиций, в то время как для становления и функционирования номинативных предложений чрезвычайно существенно и последнее обстоятельство.

Опровергая мнение А. Попова, относившего к номинативным предложениям разного рода заглавия, А. А. Потебня писал: «Я думаю, что заглавия, как «Временник», «Начало повести», «Уставы Владимировы», «О убийстве», «Грамота такого-то» по строю новее, чем двучленные и многочленные предложения, каковы: «Се — повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русьская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити...»; «се начнемъ повѣсть сію»; «а се покони вирьнии»; «а се уроци скоту»; «а се устави Володимиръ», «а се — наклади»; «а се — о женѣ, оже вѣрчеться сѣдѣти по мужи»; «а се — о купци, оже истопиться»; «а се — оже холопъ ударить» (и без «се»: «оже свержетъ виру»); а се — закладаюче городъ» (Русс. правда); а се — мѣстѣ Архангела Михаила, гдѣ явися Исусу Навгину» (Хождение Игум. Даниила); «се язъ князь Володимѣръ сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: Даль есмь княгинѣ своей и проч. (Ип., 505)»¹⁰.

Я привел эту пространную цитату прежде всего с тем, чтобы еще раз продемонстрировать метод и логику научных аргументаций А. А. Потебни, в деятельности которого трепетное отношение к огромному фактическому материалу сочетается с непревзойденной глубиной плодотворного синтаксического анализа. А. А. Потебня безусловно прав в том, что разного рода названия, обозначения разделов, частей документов и т.д. производны, вторичны по отношению к структуре двучленных (двусоставных) предложений, утвердились с опорой на двусоставное предложение, а лишь потом, позже многие из них трансформировались в формулы, клише лексико-фразеологического типа.

¹⁰ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1–2. Харьков, 1889, с. 79.

Объясняя отсутствие «собственно-бытийных предложений» в книжных памятниках древнерусской письменности, исследователи исходят из того, что основной областью их бытования еще оставалась разговорная речь. Тем самым вопреки истории постулируется, допускается, что раньше всего номинативные предложения зарождаются и функционируют в разговорной речи.

Однако такое предположение не только лишено реальной фактической базы, но и антиисторично по сути. Оно лишь констатирует устоявшуюся традицию, согласно которой всякое языковое изменение начинается в разговорной речи. Следовательно, по этой логике и номинативные предложения сначала утвердились в разговорной речи, а затем переместились в язык книжного типа в широком смысле.

В действительности же дело обстояло совсем по-другому: речь идет о случае, когда языковая инновация возникает в книжной (письменной) речи как одна из историко-культурных примет именно этой и только этой речи. Такова судьба номинативных предложений, книжных по своей природе и происхождению. Следовательно, если их не было в древнерусской книжной письменности, то их еще не было вообще.

Прежде чем обратиться к вопросу о происхождении и истории номинативных предложений, рассмотрим на нескольких примерах, являются ли номинативными те конструкции, которые обычно считаются таковыми в специальной историко-синтаксической литературе, напр.: *Брачный обычай* не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечерь...; и стаща дѣные зли: *мразь, вялица*, страшно зѣло...

Оба выделенных фрагмента не имеют ничего общего с номинативными предложениями: это обычные конструкции представления (темы), в свое время названные А. М. Пешковским именительными представлениями¹¹. В них ничего не сообщается, ничто не констатируется, ничего не описывается. Они называют, обозначают, представляют то, по поводу чего речь идет в последующей (а иногда и в предыдущей) части текста. Это синтаксические компоненты, участвующие в выражении эмоциональной оценки, но сами по себе, в контекстуальной изоляции, не составляющие предложения. Характерно, что Е. С. Истрина эти и подобные конструкции не причисляла безоговорочно к номинативным. Она, в частности, пишет: «В Синод. сп. сюда могут быть отнесены предложения: «мразь, вялица, страшно зѣло» 30, 11, если их не ставить в синтаксическую связь с предшествующим предложением: «и стаща дѣные, зли» и не признавать в силу этого неполными, с имен. пад. подлежащего...»¹².

¹¹ См. подр.: Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. Петрозаводск, 1993, с. 65–70.

¹² Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, Пг., 1923, с. 51.

Что же касается конструкций типа *вот, бес, жертва твоя*, мне не надобе (Аввак., Письма, с. 240; ... и *се вамъ игоумень* (Жит. Феод. Печ., с. 91), то это разновидности двусоставных предложений¹³.

Нельзя не заметить, что обозначившееся в последние десятилетия XX в. широкое толкование номинативного предложения, ставшее результатом не критического восприятия одной из сомнительных традиций описательного синтаксиса, не могло не сказаться отрицательно на качестве историко-синтаксических разысканий.

Таким образом, теоретические установки и реальное положение с изучением номинативных предложений в русском историческом синтаксисе трудно считать вполне удовлетворительным. С одной стороны, исследователи утверждают, что номинативные предложения хотя и ограничено, но функционируют в русском языке с древнейших времен. С другой стороны, те же исследователи не могут представить достаточные и убедительные языковые факты, подтверждающие верность этого положения.

Следовательно, проблема не решена. Она требует иных подходов с учетом имеющихся данных и полученных исследовательских результатов.

Итак, когда и какие процессы привели к жизни номинативные предложения в русском языке?

Прежде всего обратимся к суждениям на эту тему крупнейших деятелей русского языкознания.

Одно из таких суждений, восходящее к А. В. Попову, в сущности, уже излагалось, когда речь шла о номинативных предложениях в древнерусском языке в обобщающем описании «Исторической грамматики русского языка».

Тот же подход в известной мере прослеживается и в других работах по историческому синтаксису (см., напр., «Очерк русского исторического синтаксиса» Я. А. Спринчака).

А. В. Попов, строя свою гипотезу происхождения номинативных — и в целом одночленных — предложений, отталкивается от двух положений:

во-первых, от предположения Г. Габеленца о том, что самостоятельно функционирующие в современных языках междометия, звукоподражания, «наречные и прилатательные восклицания, примыкающие к междометиям: *reizend! entsetzlich!*», «звательные падежи, повелительные наклонения»¹⁴, свидетельствуют о принципиальной возможности предложения без финитной формы; следовательно, предикативность изначально не была ограничена исключительно глаголом, как считал А. А. Потебня;

---

¹³ О них в современном русском языке см.: Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. с. 74–80.

¹⁴ Цит. по: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1–2, Харьков, 1889, с. 78.

во-вторых, от того, что наиболее древними являются наиболее простые языковые формы. К таким простейшим и тем самым древнейшим синтаксическим формам, по А. В. Попову, и относятся не двучленные и многочленные, а одночленные предложения типа «Пожар!» «Пора!» «Стыд!» и под.

Защищая этот тезис и пытаясь доказать вторичность двусоставного глагольного предложения, А. В. Попов пишет: «Термины *подлежащее*, *объект* предполагают уже значительную сложность предложения; так подлежащее предполагает при себе сказуемое, а объект предполагает подлежащее и сказуемое (за исключением безличных предложений, в которых подлежащего может и не быть). Между тем факты дают возможность взойти к более простому и первоначальному виду предложения, к одночленному предложению»¹⁵. Развивая ту же мысль, А. В. Попов продолжает: «Едва ли кому-нибудь удастся доказать, что, напр., при виде горящего предмета первоначально кричали: «Это есть пожар!» или «Есть пожар!» и потом стали кричать просто «Пожар!»¹⁶.

Однако суждения А. В. Попова остались заявлениями и декларациями, лишенными научных доказательств. Да и доказать их лингвистическую адекватность едва ли возможно в силу их антиисторичности, что убедительно было показано А. А. Потебней¹⁷.

На примере слов-предложений «Хорошо!», укр. «Проби!» «Прощай! Цобе!» А. А. Потебня прослеживает сложный и длительный путь, пройденный их праформами, прежде чем обрести ту лаконичность и предикативную значимость, которыми они характеризуются в современных языках¹⁸.

Иронизируя по поводу того, что первоначально при виде пожара не могли кричать вместо «Пожар!» «Есть пожар!», А. В. Попов не учитывает валентностных возможностей этого субстантива. Скорее всего «Есть пожар!» никогда и не кричали. Но вполне могли кричать, например: «Загореса пожарь!», и отсюда просто «Пожар!» — как неполный вариант глагольного предложения, ср. соответствующие тексты: Лучися погорѣти подолие все и църкви, в неи же иконы ты бяхоу, по пожарѣ обрѣтошася цѣлы. Пат. Печ. Отъ пожара изгорѣ. Полик. Посл. (Пат. Печ. 11). Бысть пожарь великъ Киевѣ городѣ..., яко церквии единѣхъ изгорѣ близъ 6 соть... Лавр. л. 6632 г. Загореса пожарь отъ Деигоуницъ. Новг. л. 6683 г.¹⁹

¹⁵ Попов А. Синтаксические исследования, Воронеж, 1881, с. 30.

¹⁶ Там же, с. 31–32.

¹⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1–2. Харьков, 1889, с. 79–81.

¹⁸ Там же, с. 79.

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. Спб., 1895, с. 1079.

В новейший период к тому мнению, что номинативное предложение, как и всякое одночленное, могло существовать изначально, независимо от глагола, склонялся и И. И. Мещанинов²⁰.

Другая точка зрения на происхождение номинативных предложений последовательно вытекает из общей историко-синтаксической концепции А. А. Потебни. Хронологически она была первой, а суждения А. В. Попова появились как реакция на нее.

Согласно А. А. Потебне, то, что называют номинативным предложением, — это позднейший продукт в развитии синтаксического строя языка, становление которого связано с пропуском глагольной связки. Чисто именного (номинативного) предложения в общепринятом смысле, по А. А. Потебне, не может и быть, поскольку предложение как таковое невозможно без глагола, точнее — без его спрягаемой формы²¹.

Таким образом, высказывания А. А. Потебни касаются не столько генезиса номинативных предложений, сколько истории тех многовековых процессов, в результате которых в языке утверждается то, что именуется одночленной синтаксической конструкцией. Такой конструкции не было изначально, ко времени формирования предложения, его членов и соотносительных с ними частей речи, по крайней мере, к началу и в ранние этапы исторического периода. В качестве отдельной самостоятельной единицы синтаксиса ее нет и в современных языках. Таков заключительный вывод А. А. Потебни, согласно которому предложение вообще немыслимо без *verbum finitum*.

Отголоски такой концепции не преодолены до сих пор. Тому подтверждение — «Русская грамматика» 1980 г., в которой вопреки очевидным синтаксическим фактам номинативные предложения объявляются несуществующими даже в современном русском языке. Им приписывается парадигма обычных двусоставных глагольных предложений. В отличие, однако, от последовательно исторической концепции А. А. Потебни, «Русская грамматика» предлагает некую теоретическую мешанину, в которой под понятие *номинативное предложение* подводится почти всякое синтаксическое построение, отмеченное по той или иной причине отсутствием глагольной формы²².

Фрагментарно и противоречиво представлен вопрос о номинативных предложениях в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова.

---

²⁰ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1978, с. 300–302.

²¹ А. Мейе считал именное предложение достоянием уже индоевропейского периода: «Такого рода предложения (именные. — З.Т.) не выражают никакой глагольной идеи, и в индоевропейском в них, по-видимому, не было глагола в том случае, когда не надо было выразить ни наклонения, ни лица, ни времени, т.е. когда глагол, если бы он был, стоял бы в 3-м лице настоящего времени изъявительного наклонения». — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, с. 360.

²² Русская грамматика, Т. 2. Синтаксис. М., 1980, с. 364–369.

Исходя из того, что не знает древнеиндийских, древнегреческих и латинских соответствий приводимым им русским примерам, А. А. Шахматов заявляет о трудности определения времени зарождения номинативных предложений. Что касается фактов старорусского языка в его иллюстративных материалах, то они исчерпываются двумя примерами из «Жития» Аввакума, причем оба сомнительны в качестве номинативных предложений. Например, первая часть, заканчивающаяся восклицательным знаком, в высказывании *Охъ горе! вездѣ отъ діавола житія нѣтъ* никак не может быть осмыслена как номинативное предложение. Это — восклицание, выполняющее роль именного предиката. Это рема по отношению к последующей части высказывания. Единственное, что объединяет ее с номинативным предложением — это конструирующая ее форма именительного падежа, которая тем не менее к номинативному предложению отношения не имеет. В принципе то же самое можно сказать о формулах приветствий, пожеланий, восклицаний, которые приводятся из других славянских и неславянских языков²³.

Вместе с тем, факт существования номинативных предложений в современном русском языке для А. А. Шахматова не подлежит сомнению.

Сопоставляя предложения *Зима, Мороз*, «выражающие наличность названных явлений или предметов в настоящее время, в настоящую минуту»²⁴, с двусоставными предложениями *Была зима, Будет мороз*, в которых «глагол означает наличность в прошедшем или будущем»²⁵, А. А. Шахматов указывает на следующие существенные различия между ними: «во-первых, если бы исторически указанные предложения даже и восходили к *зима есть, мороз есть*, то в настоящее время они все-таки могут быть рассматриваемы только как односоставные предложения, ибо для полноты их значения не требуется вставка 3-го лица еднств. глагола *есть*; во-вторых, самая грамматическая форма этих предложений, их ударение, их сопровождаемое эмфазой произношение с очевидностью отделяет их, как предложения односоставные, от двусоставных предложений, подобных таким, как *была зима, будет мороз*; для выражения наличности в настоящ. времени, по-видимому, исконно имя сопровождалось эмфазой, что делало излишним его расчленение; для выражения же наличности в прошедшем или будущем требовалось расчленение словопредложения в предложение двусоставное; в-третьих, предложения, как *зима, пожар, мороз*, известны и в тех языках, в которых нет пропуска форм настоящ. времени глагола *быть...*; следовательно, и в русском языке их нельзя объяснить из двусоставных с пропуском *есть* во втором составе»²⁶.

²³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, Л., 1941, с. 50–51.

²⁴ Там же, с. 51.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 51–52.

Судя по приведенной пространной цитате, А. А. Шахматов не склонен связывать генезис номинативных предложений с пропуском вспомогательного бытийного глагола в настоящем времени. Они сложились в результате сочетания имени с эмфазой наличности, экзистенциальности, как итог взаимодействия между именем в именительном падеже и особой интонацией.

Такое объяснение представляется вполне возможным, однако это не устраняет вопроса: когда и при каких условиях *именительный падеж + эмфаза* дает *номинативное предложение*?

Но подобного вопроса А. А. Шахматов и не ставит, ибо его задача в данном случае — систематизация типов и подтипов предложения в современном русском литературном языке. В соответствии с этой общей задачей подробно описываются и выделяемые им подтипы номинативных предложений, куда отнесены:

1) восклицательные: [Катерина (с ужасом) *Гроза!* Побежим домой! Поскорее! (*Гроза*, 1);

2) указательные с *вот*: *А! вот и твоя невеста!* (Кап. д., XIII);

3) в соединении «с другими наречиями»: (Никита) *Ну, дела* (Вл. тьмы, IV);

4) с междометием: *Ах! дела, дела!* (Вл. тьмы, IУ);

5) описательные: Ступайте хуть на двор-то. *Теснота* (Слец. Ноч-лег);

Сейчас подошла корова к его пруду напиться — *итраф*... Мужик проехал мимо саду, зацепил за плетень — *итраф* (Там же); Да расходитесь. *Утро*. Что-с? (Г. от у., 1, 1)²⁷.

Воздавая должное А. А. Шахматову за огромный материал, которым иллюстрируется выделяемая им типология номинативных предложений в современном русском языке, нельзя не заметить, к сожалению, слишком частого недосмотра в синтаксической квалификации соответствующих конструкций. Это тем более достойно сожаления, что именно А. А. Шахматов впервые не только отчетливо выделил номинативное предложение как синтаксическую единицу с ее собственным статусом, но и предложил убедительные принципы отграничения его от двусоставного предложения, исходя из законов его внутренней, иерархической организации²⁸.

Если подойти к разновидностям выделяемых А. А. Шахматовым номинативных предложений с позиций им же предложенных критериев их распознавания, то едва ли какая из них устоит: все они предстанут как варианты актуально-речевых или в разной степени клишированных неполных (эллиптических) предложений.

²⁷ Там же, с. 52–54.

²⁸ Там же, с. 55–56.

Так, например, первое предложение в ряду *Гроза! Побежим домой! Поскорее!* не укладывается в рамки номинативного предложения, с которым его роднит исключительно внешнее сходство — форма именительного падежа. Однако в этом случае, как и во всех аналогичных, именительный падеж лишен интонации номинативного предложения — интонации бытийности, экзистенциальности, которая возможна лишь в определенном контексте, в определенном типе речи, предназначенном для *описания, наглядно-статичного воссоздания* того, что подлечит передаче языковыми средствами.

Высказывание *Гроза!* отнюдь не статично, не располагает собеседника к спокойной созерцательности, в чем и заключается одна из главных коммуникативно-эстетических задач номинативного предложения. Это совершенно очевидно из высказываний, следующих за ним — призывно-императивных, требующих немедленных ответных реакций. О том же свидетельствует авторская ремарка, характеризующая внутреннее состояние автора высказываний — Катерины, которая произносит их с *ужасом*. В таком синтагматическом окружении и на столь выраженном эмоциональном фоне высказывание *Гроза!* не дает ни малейшего основания для интерпретации его как номинативного предложения. Это неполное предложение, в котором представленная форма именительного падежа может быть осмыслена либо как подлежащее при незамещенной позиции сказуемого (ср.: *Гроза началась! Побежим домой! Поскорее!*), либо как именное сказуемое при незамещенной позиции подлежащего (ср.: *Это — гроза! Побежим домой! Поскорее!*). В обоих восстановленных предложениях время — настоящее. Это, по-видимому, и дало повод А. А. Шахматову отнести исходное высказывание к номинативному типу предложения. Однако, как уже говорилось, такое толкование вступает в явное противоречие с тем, что все три высказывания исходного текста составляют контекстуально согласованное синтаксико-стилистическое целое.

В принципе так же обстоит дело и со всеми прочими типами выделенных А. А. Шахматовым номинативных предложений, ср., напр.: *Садись чай пить, вот и разговор весь...* (Власть тьмы, 1)²⁹.

Выделенная часть высказывания опять-таки ничего общего с номинативным предложением не имеет. Это фразеологизированное сказуемое при пропущенном формальном подлежащем *это*, синтаксически замещающем первую часть высказывания, ср.: *Садись чай пить, вот это и разговор весь*. Что это так, доказывается возможностью замещать исходный фрагмент синонимичными выражениями, ср.: *Садись чай пить, это и весь разговор; Садись чай пить, это и все; Садись чай пить, и дело с концом; и т.д.*³⁰

²⁹ Там же, с. 53.

³⁰ О конструкциях с *вот* см.: Тарланов З. К. Язык, Этнос. Время. С. 74–78.

Сомнителен ряд случаев и среди описательных номинативных предложений.

В современной русистике подходы к определению синтаксических границ и природы номинативных предложений настолько различны, что говорить о них как о чем-то единообразно понимаемом языковом феномене практически невозможно. Состояние этих представлений в описательном синтаксисе — один из тех факторов, которые определяют положение дел с номинативными предложениями и в историческом синтаксисе.

Но это вовсе не значит, что исторический синтаксис не имеет собственного «участка» в осмыслении номинативных предложений, собственного видения того, что составляет их специфику в контексте русского синтаксиса в широком смысле. К числу таких проблем в первую очередь относится проблема происхождения номинативных предложений: когда и как они сложились?

Среди рассмотренных выше концепций происхождения номинативных конструкций наиболее убедительной представляется та, которая представлена исследованиями А. А. Потебни. Она единственная предстает в качестве теории, провозглашающей системность как важнейший принцип изучения синтаксиса и выстраивающей синтаксические изменения, инновации в последовательный ряд зависимостей. При таком подходе обычные в подобных случаях ссылки на случайность, недостаток фактического материала, трудность проблемы теряют свою убедительность. Наука не вправе выбирать между этической пригласенностью стиля изложения и тем, что этим стилем сообщается. Ценность научных поисков отнюдь не определяется их стилем. Важно другое: что и как объясняется.

Современное состояние и история индоевропейских языков не дают повода для предположения о древности и изначальности одночленных именных (номинативных) предложений. То же самое подтверждается данными и других, нефлективных, языков.

То, что обычно принималось за номинативное предложение (например: *Пожар! Вина!* и под.), — это одночленные неполные предложения, факты позднейшей жизни языка. Полнота/неполнота актуализации грамматического состава предложения целиком и полностью зависит от речевой ситуации или конситуации. Функционально-грамматический же статус номинативного предложения зависит не от речевой ситуации, а от типа речи, степени ее монологичности, описательной протяженности, расширенности, продолженности во времени. Синтаксические условия функционирования одночленных номинативных и одночленных неполных предложений кардинально различны. Это продукты разных эпох со своими непохожими судьбами.

Выделяющиеся в русском языке нового времени три основных типа простых предложений — двусоставные, односоставные глагольные и односоставные именные — существовали не во все времена. Как уже отмечалось и как это в принципиальном плане убедительно доказано

исследованиями А. А. Потебни, предложение, включавшее в себя части речи с их специфическими функциями, у истоков своих было двусоставным. Это единственный тип, заполняющий историю языка с древнейших времен до наших дней.

Впоследствии на его базе, в результате произошедших в нем существенных структурных и семантических изменений складываются односоставные глагольные предложения, характеризующиеся дальнейшей структурно-семантической филиацией, соотнесенной с соответствующими историческими периодами и подпериодами.

Наконец, на третьем, последнем, новом этапе в истории русского языка выделяется номинативное предложение как принципиально новый тип синтаксической конструкции.

Таким образом, если иметь в виду относительную хронологию становления типов простого предложения в русском языке в порядке их утверждения в языковой системе, то она может быть принципиально представлена следующим образом:

- 1) двусоставное глагольное предложение,
- 2) двусоставное глагольно-именное предложение,
- 3) односоставное глагольное безличное предложение,
- 4) односоставное безличное глагольно-именное предложение (с компонентами *жаль*, *льзя* и под.),
- 5) двусоставное именное предложение,
- 6) односоставное определенно-личное предложение,
- 7) односоставное неопределенно-личное предложение,
- 8) односоставное обобщенно-личное предложение,
- 9) односоставное номинативное предложение.

Номинативное предложение, таким образом, хронологически замыкает образование типов простого предложения в русском языке. Потенциально определившись в русской синтаксической системе не ранее XV–XVI вв. в связи с совершившимися в ней глубокими и масштабными изменениями общего плана, реальной функционирующей единицей оно становится лишь на рубеже XVIII–XIX вв., чему в немалой степени способствовали успехи повествовательных жанров литературы, главенствующая роль в которых играла непосредственно выражавшаяся в них точка зрения человека, его восприятия и оценки окружающего мира, в особенности — природы.

Что же касается языковых, системных факторов, послуживших предпосылками, условиями, способствовавшими потенциальному зарождению и реальному возникновению номинативных предложений, то таковыми были:

Во-первых. Глубинные, фундаментальные изменения, которые претерпели глагол и имя как классы слов, с самого начала служившие базой для репрезентации синтаксических функций соответственно предиката и субъекта. По мере унификации временных форм глагола, утра-

ты ими прежней функционально-детализированной закреплённости активно происходил процесс обобщения их значений и функций: в индикативе нормой становится, например, нелокализованное настоящее, продолженное прошедшее, освободившееся от модальных глаголов и приобретшее чисто грамматический статус будущее; формы времени употребляются одно вместо другого. Словом, глагол как слово, выражающее признак имени-субъекта, все больше и больше тяготеет к контаминации своих исконных свойств со свойствами оглаголившихся именных форм, что в свою очередь вело к обобщению семантики и функциональных возможностей глагола в целом. Имея в виду изменчивую глагольность предложения с доисторических времен, А. А. Потебня писал: «Глагол, как сказуемое, не мог остаться прежним, одержавши такие победы над именем, как образование неопределенного наклонения, позднее — прошедшего на — ль, из имени; получивши возможность определяться вновь возникшими частями речи, как наречия отыменные и деепричастия»³¹.

Однако победы глагола над именем этим не исчерпывались.

К XV–XVI вв. за счет имени же (местоимения) глагол обогащается еще одной категорией — собственно глагольной морфологической категорией залога, расширившей его внутреннюю сущностную семантику новым компонентом — синтетически реализуемым отношением к субъекту (значения среднего, средне-возвратного залога).

К XVI–XVII вв. на синтаксические позиции глагола переходят, как уже говорилось, и нечленные прилагательные, тем самым опять-таки усиливая общую глагольность предложения. О том же свидетельствовало становление обособленных членов предложения, в конечном счете также составлявших принадлежность рематической зоны предложения.

Но победы глагола, о которых так живо писал А. А. Потебня и которые действительно имели место, не были односторонними и бесконечными.

Синтаксическое расширение имени в предложении было не менее впечатляющим. К числу крупнейших его побед и относится, в частности, номинативное предложение, также выросшее, как это ни покажется парадоксальным, на основе двусоставного.

Время потенциального зарождения номинативного предложения в синтаксической системе русского языка совпадает со временем, когда глагольная связка перестает быть обязательным конструктивным компонентом предложения, т.е. с XV–XVI вв. До этой поры оно было чуждо для русской синтаксической системы.

Справедливо признав двусоставное предложение с подлежащим в форме имен. пад. существительного и сказуемым — личной формой гла-

³¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1–2. Харьков, 1889, с. 76.

гола идеальным типом предложения, Е. С. Истрина допускала две линии отклонения от этого идеального типа: в сторону подлежащего или сказуемого. При этом «по мере расхождения этих линий от идеальной формы предложения, формальная ясность каждого из членов, а отсюда и формальная ясность их соотношений, т.е. целой конструкции ослабевает»³².

Образовавшееся номинативное предложение — это не просто отклонение от идеальной формы предложения в сторону подлежащего, а результат его грамматической и коммуникативной абсолютизации. Иными словами: форма в позиции подлежащего обретает контекстуально обусловленную грамматическую и коммуникативную самодостаточность. Однако для этого необходимо было, чтобы наряду с «идеальной формой предложения» появилось и предложение с именным предикатом, соотношенным с именным же субъектом в имен. пад., например, предложения типа: *а места на корабли вольная* (Гр. неизв. Смол. кн. немцам, ок. 1230, РЛА, 551); *дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры* (Аввак., Житие).

Особенность подобных предложений, помимо всего прочего, состояло в том, что в них, в отличие от «идеальной формы предложения», подлежащее и сказуемое разводились по разным синтагмам. Если прежде подлежащее и характеризовавшее его сказуемое составляли одну синтагму, то теперь те же главные члены, выражаясь однотипно, именными формами, обязательно требовали эмфазы, демаркации, сосредоточения в *разных синтагмах*, тем самым приобретая элемент имманентности, центробежности не только по отношению к тому целому, куда они входили как его конструктивные составляющие, но и по отношению друг к другу. Об этом же свидетельствовали порожденные той же причиной двусоставные именные несогласованные предложения, ср.: *Грех сладко, а человек падко* (Симони, 90)³³; *Лев страшно, обезьяна смешно* (Там же, 118); *Обидно в поле горох да репа, завидно в мире вдова да девка* (Там же, с. 130)³⁴.

В этих и подобных конструкциях подлежащее, определяясь сказуемым в среднем, безличном, роде, формально-грамматически как бы порывает с ним, хотя, с другой стороны, и остается компонентом того же предложения — высказывания.

Разрыв грамматического согласования оправдывается и компенсируется эмфазой, которая узаконивает его и переключает сказуемое на связь с другим словом — с формальным подлежащим-связкой *это*, ср.: *Лев — это страшно, обезьяна — это смешно*.

³² Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, с. 12.

³³ Симони П. Старые сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Спб., 1899. Вып. 1. В скобках указаны страницы по этому изданию.

³⁴ Подробнее о под. конструкциях см. далее, а также в: Тарланов З. К. Язык. Этнос. Время. С. 117–126.

Появление *формального* подлежащего позволяет *вещественному, исходному*, подлежащему выделиться в самостоятельное высказывание-предложение со специфическими параметрами.

К числу таких параметров относятся:

- 1) форма именительного падежа,
- 2) особая, бытийная, интонация, восходящая по своему происхождению к эмфазе двусоставного несогласованного предложения в синтаксическом настоящем.

Именно этим настоящим предопределено настоящее номинативного предложения.

Таким образом, номинативное предложение и есть абсолютизированное подлежащее, форма именительного падежа, снабженная конституативно же обусловленной значимой эмфазой.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что в качестве потенциального компонента русской синтаксической системы номинативное предложение складывается в XV–XVI вв., а как факт нормы утверждается на рубеже XVIII–XIX вв. благодаря достижениям новой прозы с ее ориентацией на психологизм и сентиментализм, предполагавшие развернутое описание эмоциональных состояний человека, его чувств, состояний природы и т.д.

Оно было вызвано к жизни одной из действовавших в русском синтаксисе тенденций — тенденцией к абсолютизации субъектного начала в предложении, направленной, в частности, на ограничение экспансии в нем противоположного, предикатного (глагольного), начала. Бурный рост безличных конструкций, связанных с подавлением номинатива, сопровождался, таким образом, становлением сугубо именных — номинативных конструкций, в которых именительный падеж, наоборот, выдвигается в качестве единственной их морфологической опоры.

Следующий фрагмент из повести А. И. Клушина «Несчастный М-в» (XVIII в.), в котором дается описание главного героя, позволяет увидеть реальный процесс формирования и выделения номинативного предложения: *Хороший рост, стройный стан, приятный орган голоса, взор открытый и пронизательный большие светло-голубые глаза, розовый румянец на щеках* — его физические дарования; *чувствительное и нежное сердце, кроткий нрав* — душевные его свойства. Он любил музыку и даже был ею страстен. Томное адажио, одушевленное вкусом, нередко извлекало блестящие перлы из глаз его. *Нежный стихотворец во вкусе Сафо; привязанный к театру, будучи хорошим актером*; любим и уважаем учеными; обласкан знаменитыми людьми; не возносится своими дарованиями. Сердце его вкушало спокойствие, свойственное душе непорочной³⁵.

³⁵ Клушин А. И. Несчастный М-в // Русская сентиментальная повесть, с. 119.

Слова, выделенные курсивом, вполне занимают те синтаксические позиции, включая и интонационные, которыми и конституируются номинативные предложения. Особенно примечателен первый ряд, финальные составляющие которого — именные предикаты, поддерживающие двусоставность предложений. Если убрать, устранить предикаты, — перед нами типичные образцы номинативных предложений.

Именные формы во втором ряду также близки к номинативным предложениям, но они скорее могут быть интерпретированы как предикаты неполных двусоставных предложений.

В любом случае факты приведенного типа демонстрируют системный фон, предполагающий номинативное предложение в качестве потенциальной синтаксической единицы языка, которая вполне готова к актуализации.

Кстати сказать, фон этот, синтаксические условия, складывается намного раньше. Ср., напр., следующий фрагмент из «Жития» Аввакума, который легко может быть преобразован в цепочку номинативных предложений, хотя в представленном виде (главным образом, в силу постпозиции определяющего) соответствующие конструкции занимают положение, среднее между номинативными предложениями и конструкциями представления: Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. *Река мелкая, плоты тяжелье, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому!*

При абсолютной очевидности того, что номинативное предложение — это продукт определенной, достаточно поздней, стадии в развитии синтаксической системы языка, не подлежит сомнению и тот факт, что оно зарождается и утверждается как принадлежность конкретных форм описательной художественной речи: преимущественно пейзажных зарисовок, в целом экзистенциальных картин, предназначенных для зрительного восприятия.

Это — конструкция, характеризующаяся тематической, жанрово-функциональной замкнутостью, что в принципе не свойственно подлинно синтаксическим феноменам. Поэтому ее нет в разговорном (диалогическом) синтаксисе, включая и диалектный.

Для нее чужда внутренняя темпоральная расчлененность и динамичность. Время, которое охватывает содержание и описываемые в ней события, — это настоящее, настоящее статическое, раздвинутое и расширенное, парадигматически не соотнесенное с другими временами.

Настоящее номинативного предложения — это настоящее не индикатива, а относительного временного плана, не связанного с моментом речи. Поэтому номинативное предложение не обладает временной парадигмой.

С этим обстоятельством связаны, в частности, и его стилистические возможности.

Ограничусь одним-единственным примером — поэтическим шедевром А. Фета, вызывающим восхищение не только гением, поэтическим даром его создателя, но и тем материалом, языковой материей, из которой он соткан:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!...

Весь этот текст построен без единого глагола — неперменного компонента высказывания в других языках. Но, как это ни кажется парадоксальным с точки зрения организации высказывания, отсутствие глагольных слов не только не ощущается, но оно единственно и позволяет создать то настроение, ту поэтическую картину, которую несет нам стихотворение: легкость, граничащую с воздушностью, удивительную полноту и конкретность описания, пространственную и временную перспективу, преодолевающую поэтическую статику. Статичность описания зиждется на цепочке номинативных конструкций, с помощью которых как бы легкими акварельными мазками выписывается кружево слуховых и зрительных полутонов, своим чередованием актуализирующих эффект динамизма. Хотя весь текст состоит из однотипных синтаксических структур, нет впечатления навязчивой монотонности и однообразия. Финально-разрешающей функцией в каждой из поэтических фраз наделен аккордно звучащая форма генитива с определительно-квалифицирующим назначением.

Перед нами — ярчайший пример, иллюстрирующий внутреннюю изобразительно-выразительную мощь русского языка, подвластную тем, кто проникся его свободой.

В связи с этим нельзя не сожалеть о том, что лингвисты, берущиеся за интерпретацию русского синтаксиса в контексте этнической культуры и психологии, почему-то пренебрегают номинативными предложениями, составляющими неотъемлемую часть русской синтаксической системы нового времени. Так, А. Вежицкая, иллюстрируя свои суждения о неконтролируемости чувств, антирационализме, склонности к пассивности и фатализму, характерных, по ее наблюдениям, для русской культурной традиции, ограничивается безличными («дательными»),

«пациентивными») и инфинитивными предложениями, интерпретируемыми с точки зрения синтаксиса английского языка³⁶, совершенно не касаясь, в частности, и предложений номинативных. Между тем, эти последние, будучи по своей природе «номинативоподобными», агентивными, не только лишней раз подтверждают огромное разнообразие типов предложений в русском языке в сопоставлении с английским, но и изобличают уязвимость общих схем, отрешенных от историзма, вне которого едва ли культурные традиции поддаются объяснению.

В заключение — несколько замечаний по проблеме именного предложения в целом.

Проблема именного предложения, которая обычно выдвигается спорадически, основательно и с универсалистским размахом вслед за А. Мейе³⁷ была поставлена Э. Бенвенистом.

По Э. Бенвенисту, именное предложение «настолько всеобщее, что, если бы мы хотели определить статистически или географически границы его распространения, нам гораздо легче было бы перечислить флективные языки, в которых оно отсутствует (таковы современные западноевропейские языки), чем те, в которых оно встречается»³⁸.

Нельзя, однако, не заметить, что эта констатация не столько способствует решению проблемы, сколько запутывает ее: она слишком глобальна и отрешена от исторически привязанной языковой действительности. Говоря обо всех языках независимо от их генетической и типологической принадлежности, Э. Бенвенист не учитывает, в частности, того обстоятельства, на каких стадиях находится каждый из упоминаемых им языков или их групп. А без этого едва ли правомерно формулировать универсалистские констатации. Именно в этом убеждает, например, история русского языка, в котором именное предложение предстает как поздний, вторичный продукт в длительном процессе эволюции его синтаксического строя.

Э. Бенвенист исходит из того, что «высказывание может быть либо именным, либо глагольным»³⁹, что «оба эти типа высказывания существовали, и мы принимаем их как сосуществующие и не пытаемся выводить их один из другого, ибо представлять так процесс генетического развития у нас нет никаких оснований»⁴⁰. Эти свои предвари-

³⁶ Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М.: «Русские словари», 1996, с. 42–47, 73–76.

³⁷ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 360–366 (Именное предложение определяется А. Мейе так: «Если сказуемое, представляющее существеннейший элемент предложения, является именем, предложение называется именным; если же сказуемое есть глагол, кроме глагола «быть», иначе связки, то предложение называется глагольным», с. 360).

³⁸ Бенвенист Э. Именное предложение // Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. Русск. пер. М., 1974, с. 167–168. См. также: Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 116–133.

³⁹ Там же, с. 173.

⁴⁰ Там же, с. 177.

тельные тезисы Э. Бенвенист иллюстрирует ссылками на показания разножанровых древнегреческих и древнеперсидских текстов, которые, как и следовало из его посылок, подтверждают высказанные им же а priori положения. Таким образом, круг замыкается.

Изначально сосуществуя с глагольным, именное предложение всегда отличалось, по Э. Бенвенисту, своими границами употребления: «1) оно всегда связано с прямой речью; 2) оно всегда выражает утверждения общего характера, представляющие собой сентенции»⁴¹: «именная фраза имеет целью убедить высказыванием «общей истины»; она предполагает речь и диалог; она сообщает не факт, а некоторое вневременное и постоянное отношение, которое выступает как убедительный аргумент»⁴².

Развивая ту же линию рассуждений, Э. Бенвенист продолжает на основании данных языка Гомера: «Именное предложение и предложение с *εστι* утверждают по-разному и принадлежат двум разновидностям речи. Первое — речи в собственном смысле, второе — повествованию. Одно утверждает нечто абсолютное; второе описывает ситуацию... Будучи способным утверждать абсолютные истины, именное предложение выступает как аргумент, доказательство, рекомендация»⁴³.

В этих рассуждениях Э. Бенвениста мало собственно синтаксического.

Согласно Э. Бенвенисту, получается, что начальные границы обозначения синтаксическими средствами конкретного времени, соотношенного с моментом речи, и времени обобщенного совпадают, что противоречит логике и процессам развития языковых значений в целом. Противоречивость суждений Э. Бенвениста состоит и в том, что он, с одной стороны, декларирует древность именного предложения, совпадающую с древностью глагольного предложения, а с другой, — считает именное предложение более приспособленным для выражения сентенций, пословичных обобщений, которые, как известно, складываются на определенной, причем поздней, стадии культурного развития.

Следует вместе с тем заметить, что выражение так называемой «абсолютной истины» и выполнение функции аргумента, доказательства не есть исключительная прерогатива именного предложения. То же самое вполне реализуется и глагольным предложением, ср. конструкции типа: *Волга впадает в Каспийское море; Солнце восходит на востоке; Земля вращается вокруг Солнца; Крапива жжется* и под. Именно в пословицах, в народном жанре словесности, вмещающем в себе принятые в народе «абсолютные истины», призванные быть аргумента-

⁴¹ Там же, с. 178.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 181.

ми, подавляющее большинство предложений строится исключительно как глагольные. При этом в манере представления времени они следуют тем же законам, что и именные предложения.

Усматривая главную особенность именного предложения в реализации «абсолютных истин», не знающих временной локализации, Э. Бенвенист, в сущности, не разграничивает собственно *синтаксические конструкции* и *выражаемые ими обобщенные суждения*. Между тем, обобщенные суждения, чуждые конкретизированности, выражаются не только именными предложениями. Другое дело, что предложение, не включающее в себя глагольной формы, «легче» и «быстрее» адаптируется для представления «общих истин», но это не дает оснований принципиально противопоставлять его всем остальным типам предложений, ибо в известных синтаксических условиях (или в результате их нейтрализации) содержание почти всякого типа предложения может обобщаться.

При всем том, что Э. Бенвенист высказывает ряд тонких замечаний о специфике именного предложения в противопоставлении глагольному, в целом генезис именного предложения в его толковании остается неясным, что вытекает, например, из следующих суждений: «Именное предложение следует сопоставить и противопоставить высказыванию глагольному, и тогда мы увидим, что это две различные формы высказывания. *Как только в именное предложение вводят глагольную форму, оно утрачивает свою подлинную сущность...*»⁴⁴ (Курсив мой. — З. Т.).

Одно из двух: либо именное предложение так же изначально, первично, как и глагольное, и в таком случае оно по логике вещей не должно быть проницаемым для глагола, но должно быть закрыто для глагольной формы; либо же именное предложение — это то, что складывается в результате отстранения, удаления из предложения глагольного начала, но в той или иной степени остается открытым для него всегда (в этом убеждает и история русского языка, как это видно из предшествующего изложения). Это второе решение навязывается историей синтаксиса разных языков и в той или иной мере поддерживается почти всеми историками языка.

Замечу в заключение, что суждения Э. Бенвениста не имеют непосредственного отношения к номинативным предложениям, составляющим предмет настоящего рассмотрения. Тем не менее обойти их было бы неверно, поскольку номинативное предложение — это тоже именное предложение.

---

⁴⁴ Там же, с. 182.

Использованные сокращения и источники

- Аввак., Житие — Житие протопопа Аввакума. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общей ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.
- Аввак., Письма — Письма протопопа Аввакума // Там же.
- АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комиссией, т. 1–3. Спб., 1841–1842.
- Акты феод. XIV–XV вв. — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XV веков, ч. 1. / Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1951.
- Девг. д. — Девгениево деяние (первоначальная редакция, Тихонравовский список, 1744 г.) // В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых чело- век). М., 1962.
- Дог. Новг. с Яр. — Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Домостр. — Домострой // А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, М., 1908.
- Житие Феод. Печ. — Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в. — Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1 / Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899.
- Каз. ист. — Казанская история, 1564–1565 гг. // Казанская история / Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. И. Моисеевой / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1954.
- Клушин А. И. Несчастный М-в // Русская сентиментальная повесть / Составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии П. А. Орлова. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Лет. сказ. — летописное сказание Петра Золотарева // Полное собрание русских летописей, т. 31. М., 1969.
- Лет. Тр. — Троицкая летопись 1408 г. // М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Моск. дел. быт. — Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Новг. гр. 1301. г. — Новгородские грамоты // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1 Новг. лет. — 1 Новгородская летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пат. Печ. — Патерик Киевского печерского монастыря // Памятники славянорусской письменности. 2. Спб., 1911.
- РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археограф. комиссией.
- Сл. о плк. Иг. — Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Summary

Zamir K. Tarlanov

SUBJECT ABSOLUTISATION TENDENCY IN RUSSIAN SYNTAX: NOMINATIVE SENTENCE AS ITS REALISATION

This article establishes both the status and the formation of nominative constructions in the Russian Syntax. The period of their potential genesis goes back to the XVI century while their syntactic actualisation is connected with the close of the XVIII and the beginning of the XIX century.